

ЧУДЕСА
СВЯТОГО ИОАННА
КРОНШТАДТСКОГО

ПРИ ЖИЗНИ, ПО СМЕРТИ И В НАШИ ДНИ

Священник Сергей Молотков

**Чудеса святого Иоанна
Кронштадского. При жизни,
по смерти и в наши дни**

Православное издательство "Сатись"

2006

Молотков С.

Чудеса святого Иоанна Кронштадского. При жизни, по смерти и в наши дни / С. Молотков — Православное издательство "Сатись", 2006

ISBN 5-7868-0044-X

Святому праведному Иоанну Кронштадтскому был дан от Бога великий дар чудотворения. Вся верующая Россия еще при жизни Батюшки притекала к нему за помощью – этот великий дар чудотворения был плодом его непрестанной молитвы, ежедневного служения и причащения Святых Тайн. Ныне, когда о. Иоанн Кронштадтский причислен к лику святых, вновь стекается к Батюшке – к его гробнице в монастыре на Карповке – непрерывный поток паломников, чтобы поклониться ему и попросить его молитвенной помощи, – и как и прежде, совершаются здесь чудеса телесных и душевных исцелений и становятся услышанными искренние сердечные просьбы и воздыхания.

ISBN 5-7868-0044-X

© Молотков С., 2006
© Православное издательство
"Сатись", 2006

Содержание

Житие святого праведного Иоанна Кронштадтского	6
От составителя	6
Исцеления болящих	14
Рассказ священника В. Шустина	14
Рассказ О.Н. Терещенко	15
Воспоминания княгини З.Н. Юсуповой, Париж, 1934 г.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Священник Сергей Молотков
Чудеса святого Иоанна Кронштадского.
При жизни, по смерти и в наши дни

© Священник Сергей Молотков, составление, 2006

© Издательство «Сатисъ», 2006

Житие святого праведного Иоанна Кронштадтского

От составителя

Совсем недавно жил на Руси святой человек, равных которому не много найдется в истории человечества. Но если имена таких древних святых, как Илья Пророк, Николай Чудотворец и Иоанн Златоуст, известны ныне едва ли не каждому, то имя святого Иоанна Кронштадтского, которого до революции знала и почитала вся Россия и к которому обращались за молитвенной помощью со всех концов мира, – это имя в советский период намеренно стиралось со страниц новейшей русской истории. И только теперь пришло, наконец, время открытого церковного прославления святого Иоанна Кронштадтского и всенародного повествования об этом исконном сыне Русской земли и святой Церкви – величайшем пророке, чудотворце и златоустом проповеднике XX века...

Святой праведный Иоанн, Кронштадтский чудотворец, родился 19 октября (1 ноября по новому стилю) 1829 года в селе Сура, Пинежского уезда, Архангельской губернии, – на далеком севере России, в семье бедного сельского дьячка Ильи Сергиева и жены его Феодоры. Новорожденный казался столь слабым и болезненным, что родители поспешили тотчас же его крестить, при этом нарекли его Иоанном, в честь преподобного Иоанна Рыльского, празднуемого в тот день святой Церковью. Вскоре после крещения младенец Иоанн стал заметно поправляться. Благочестивые родители, приписав это благодатному действию таинства крещения, стали с особой ревностью направлять его мысль и чувство к Богу, приучая его к усердной домашней и церковной молитве. Отец с раннего детства постоянно брал его в церковь и тем воспитал в нем особенную любовь к богослужению.

Живя в суровых условиях крайней материальной нужды, отрок Иоанн рано познакомился с безотрадными картинами бедности, горя, слез и страданий. Это сделало его сосредоточенным, вдумчивым и вместе с тем воспитало в нем глубокое сочувствие и сострадательную любовь к беднякам. Не увлекаясь свойственными детскому возрасту играми, он, нося постоянно в сердце своем память о Боге, любил природу, которая возбуждала в нем умиление и преклонение пред величием Творца всей твари.

Однажды ночью шестилетний Ваня увидел в комнате необычный свет. Взглянув, он увидел среди света Ангела в его небесной славе. Ваня, конечно, смутился от такого видения. Ангел успокоил его, назвавшись его Ангелом Хранителем, всегда стоящим окрест его в соблюдение, охранение и спасение от всякой опасности.

В этом же возрасте отрок Иоанн, при помощи отца, начал учиться грамоте. Но грамота вначале плохо давалась мальчику. Это его печалило, но это же подвигло и на особенно горячие молитвы к Богу о помощи. Когда отец его, собрав последние средства от скудости своей, отвез его в Архангельское приходское училище, он, особенно остро почувствовав там свое одиночество и беспомощность, все утешение свое находил только в молитве. Молился он часто и пламенно, горячо прося у Бога помощи. И вот, после одной из таких горячих молитв, ночью, он чудесно получил свыше способности к учению.

«Ночью я любил вставать на молитву, – рассказывал впоследствии о. Иоанн. – Все спят... тихо. Не страшно молиться... и молился я чаще всего о том, чтобы Бог дал мне свет разума на утешение родителям. И вот, как сейчас помню, однажды был уже вечер, все улеглись спать. Не спалось только мне: я по-прежнему ничего не мог уразуметь из пройденного, по-прежнему плохо читал, не понимал и не запоминал ничего из рассказанного. Такая тоска на меня напала: я упал на колени и принялся горячо молиться...»

Не знаю, долго ли я пробыл в таком положении, но вдруг точно потрясло меня всего. У меня точно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум в голове, и мне ясно представился учитель того дня, его урок; я вспомнил даже, о чем и что он говорил. И легко, радостно так стало на душе. Никогда не спал я так спокойно, как в ту ночь. Чуть засветлело, я вскочил с постели, схватил книги... и, – о счастье, – читаю гораздо легче, понимаю все, а то, что прочитал, не только все понял, но хоть сейчас и рассказать могу.

В классе мне сиделось уже не так, как раньше: все понимал, все оставалось в памяти. Дал учитель задачу по арифметике – решил, и учитель похвалил меня даже. Словом, в короткое время я подвинулся настолько, что перестал уже быть последним учеником.

Чем дальше, тем лучше и лучше успевал я в науках и в конце курса одним из первых был переведен в Семинарию».

С той поры отрок Иоанн стал учиться отлично: он окончил Архангельскую духовную Семинарию и был принят на казенный счет в С.-Петербургскую Духовную Академию.

Еще учась в Семинарии, он лишился нежно любимого им отца. Как любящий и заботливый сын, Иоанн хотел было прямо из семинарии искать себе место диакона или псаломщика, чтобы содержать оставшуюся без средств к существованию старушку-мать. Но она не пожелала, чтобы сын из-за нее лишился высшего духовного образования, и настояла на его поступлении в Академию.

Поступив в Академию, молодой студент не оставил свою мать без попечения: он выхлопотал себе в академическом правлении канцелярскую работу и весь получаемый скудный заработок полностью отсылал матери. Но и среди учебных занятий и письменных канцелярских трудов Иоанн не оставлял главного – непрестанной молитвы к Богу; и о том, какова была сила его молитвы уже в то время, свидетельствует следующее его воспоминание:

«Это было давно. Я тогда был студентом Духовной Академии. За несколько дней до 9 мая/22 мая по новому стилю – день празднования святителя Николая Чудотворца/ ко мне зашел мой товарищ по академии и сообщил мне горестную и ввергнувшую его в отчаяние весть, что он совершенно и безнадежно оглох. Все врачи, к которым он обращался, объявили ему, что он неизлечим. Я ему говорю: “А как же выпускные экзамены? Как же ты их будешь держать?” – пишу ему на бумаге. Он прочел и говорит: “Как же я могу держать экзамены, когда я ничего не слышу?” Я возмутился духом: да ведь это невозможно, немислимо! И пишу ему на той же бумажке: “Приходи ко мне 8-го вечером, и мы всю ночь с тобой помолимся святителю Николаю Чудотворцу, затем отслужим литургию, молебен с акафистом”.

Так мы и сделали, – и мы вдвоем так молились, так просили, так убеждали Николая Угодника нам помочь, что после акафиста мой товарищ вдруг услышал, и мы друг друга поздравляли, плакали и обнимались. И он успешно выдержал все экзамены. Вот это событие я никогда 9 мая не забываю и всю жизнь благодарю угодника Божия за его помощь и заступление».

Учась в Академии, Иоанн первоначально склонялся посвятить себя миссионерской работе среди дикарей Сибири и Северной Америки. Но Промыслу Божию угодно было призвать его к иного рода пастырской деятельности. Размышляя однажды о предстоящем ему служении Церкви Христовой во время уединенной прогулки по академическому саду, он, вернувшись домой, заснул и во сне увидел себя священником, служащим в Кронштадтском Андреевском соборе, в котором в действительности он никогда еще не был. Он принял это за указание свыше. Скоро сон сбился с буквальной точностью. В 1855 году, когда Иоанн Сергиев окончил курс Академии со степенью кандидата богословия, ему предложено было вступить в брак с дочерью протоиерея Кронштадтского Андреевского собора и принять сан священника для служения в том же соборе. Он принял это предложение, и в декабре 1855 года совершилось его посвящение в священники. Когда он впервые вошел в Кронштадтский Андреевский собор, то в изумлении остановился на пороге: это был именно тот храм, который задолго до того представился ему в видении. Вся остальная жизнь о. Иоанна и его пастырская деятель-

ность протекала в Кронштадте – небольшом городке на острове в Финском заливе, вблизи Петербурга, – почему многие забывали даже его фамилию «Сергиев» и называли его «Кронштадтский», да и сам он нередко так подписывался.

Брак о. Иоанна, который требовался обычаем нашей Церкви для иерея, проходящего свое служение в миру, был только фиктивный, нужный ему для прикрытия его самоотверженных пастырских подвигов: в действительности он жил с женой как брат с сестрой. «Счастливых семей, Лиза, и без нас много. А мы с тобой давай посвятим себя на служение Богу», – так сказал он своей жене в первый же день своей брачной жизни, оставаясь девственником до конца своих дней.

При первом же знакомстве со своей кронштадтской паствой о. Иоанн увидел, что здесь ему предстоит не меньшее поле для самоотверженной и плодотворной пастырской деятельности, нежели в далеких языческих странах: тут процветали безверие, иноверие и сектанство, не говоря уже о полном религиозном безразличии. Кронштадт был местом административной высылки из столицы разных порочных людей. Кроме того, там было много чернорабочих, работавших главным образом в порту. Все они ютились, по большей части, в жалких лачугах и землянках, попрошайничали и пьянствовали.

Вот на этих-то, казалось бы, нравственно погибших людей, презираемых всеми, и обратил свое внимание исполненный духа подлинной Христовой любви молодой пастырь. Среди них-то он и начал дивный подвиг своего самоотверженного пастырского делания. Ежедневно стал он бывать в их убогих жилищах, беседовал, утешал, ухаживал за больными и помогал им материально, раздавая все, что имел, нередко возвращаясь домой раздетым и даже без сапог. Эти кронштадтские «босьяки», «подонки общества», которых о. Иоанн силой своей сострадательной пастырской любви опять делал людьми, возвращая им утраченный было ими человеческий образ, первые «открыли» святость о. Иоанна. И это «открытие» очень быстро восприняла затем вся верующая народная Россия.

Трогательно рассказывает о таком случае духовного возрождения, благодаря о. Иоанну, один ремесленник: «Мне было тогда годов 22–23. Теперь я старик, а помню хорошо, как видел в первый раз батюшку. У меня была семья, двое детишек. Я работал и пьянствовал. Семья голодала. Жена потихоньку сбирала по миру. Жили в дрянной конурке. Прихожу раз не очень пьяный. Вижу, какой-то молодой батюшка сидит, на руках сынишку держит и что-то ему говорит ласково. Ребенок серьезно слушает. Мне все кажется, батюшка был как Христос на картинке “Благословение детей”. Я, было, ругаться хотел: вот, мол, шлюются... да глаза батюшки, ласковые и серьезные, меня остановили: стыдно стало... Опустил я глаза, а он смотрит – прямо в душу смотрит. Начал говорить. Не смею передать все, что он мне говорил. Говорил про то, что у меня в каморке рай, потому что, где дети, там всегда тепло и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, все оправдывал, только мне было не до оправдания. Ушел он, я сижу и молчу... Не плачу, хотя на душе так, как перед слезами. Жена смотрит... И вот с тех пор я человеком стал...»

Такой необычный пастырский подвиг молодого священника стал вызывать нарекания и даже нападки на него со всех сторон. Многие долго не признавали искренности его настроения, глумились над ним, устно и печатно клеветали на него, называли его юродивым. Одно время епархиальное начальство даже велело выдавать жалованье не ему, а его жене, так как он, получив деньги в свои руки, все до последней копейки раздавал нищим, – и вызывало его для объяснений. Но все эти испытания и глумления о. Иоанн переносил мужественно, ни в чем не изменяя, в угоду нападавшим на него, принятого им образа жизни. И, с Божией помощью, он победил всех и вся, и за все то, над чем в первые годы пастырства над ним смеялись, поносили, клеветали и преследовали, – впоследствии стали его прославлять, поняв, что перед ними истинный последователь Христов, подлинный пастырь, полагающий, по слову Евангелия, «душу свою за овцы свои».

«Нужно любить всякого человека и в грехе его, и в позоре его, – говорил о. Иоанн. – Не нужно смешивать человека – этот образ Божий – со злом, которое в нем». С таким сознанием он и шел к людям, всех побеждая и возрождая силой своей истинно-пастырской сострадающей любви.

Скоро открылся в о. Иоанне и дивный дар чудотворения, который прославил его на всю Россию и даже далеко за ее пределами. Нет никакой возможности перечислить все чудеса, совершенные о. Иоанном. Неверующая интеллигенция и ее печать намеренно замалчивали эти бесчисленные явления силы Божией, но все же очень много чудес было записано и опубликовано в периодической печати уже при жизни чудотворца, а после смерти были собраны и изданы многие свидетельства и воспоминания очевидцев.

По молитве о. Иоанна совершалось и продолжает совершаться множество дивных чудес. Излечивались молитвой и возложением рук самые тяжкие болезни, когда медицина сдавалась, признав свою беспомощность. Исцеления совершались как наедине, так и при большом стечении народа, а весьма часто и заочно: достаточно было только написать письмо о. Иоанну или послать телеграмму, чтобы чудо исцеления совершилось. Отец Иоанн исцелял силой своей молитвы не только православных русских людей, но и мусульман, и евреев, и обращавшихся к нему из-за границы иностранцев. Этот великий дар чудотворения – дар преизобильной благодати Божией, почившей на великом пастыре, – был плодом его непрестанной молитвы, ежедневного служения и причащения Святых Тайн, воздержания и самоотверженных дел любви к Богу и ближним.

И вот вся верующая Россия потекла к великому и дивному чудотворцу. Наступил второй период его славной жизни, его подвигов. Вначале он сам шел к народу в пределах одного своего города, а теперь уже сам народ устремился к нему отовсюду, со всех концов России. Тысячи людей ежедневно приезжали в Кронштадт, желая видеть о. Иоанна и получить от него ту или иную помощь. Еще больше он получал писем и телеграмм: кронштадтская почта для его переписки должна была открыть особое отделение.

Вместе с письмами и телеграммами текли к о. Иоанну и огромные суммы денег на благотворительность. О размерах их можно судить только приблизительно, потому что, получая деньги, о. Иоанн тотчас же все раздавал. По самому минимальному подсчету через его руки проходило в год не менее одного миллиона рублей – сумма по тому времени громадная! На эти деньги о. Иоанн ежедневно кормил тысячу нищих, устроил в Кронштадте замечательное учреждение – Дом трудолюбия – со школой, церковью, мастерскими и приютом; основал в своем родном селе Суре женский монастырь и воздвиг там большой каменный храм; в С.-Петербурге построил женский монастырь на Карповке, в котором и был погребен по своей кончине, а в создании таких женских обителей, как Вауловский скит в Ярославской епархии и Воронцовский Благовещенский монастырь в бывшей Псковской, ныне Тверской епархии, – принимал не только материальное, но и самое непосредственное организационное участие. Кроме того, о. Иоанн жертвовал огромные средства на строительство храмов и монастырей по всей России и за границей.

Во второй период своей жизни – период своей всероссийской славы, – к общему сожалению жителей Кронштадта, о. Иоанн должен был оставить преподавание Закона Божия в Кронштадтском городском училище и в Кронштадтской классической гимназии, где он преподавал свыше двадцати пяти лет. А был он замечательным педагогом-законоучителем. Он никогда не прибегал к тем приемам преподавания, которые часто встречались тогда в учебных заведениях, то есть ни к чрезмерной строгости, ни к нравственному принижению неспособных. У о. Иоанна не служили мерами поощрения отметки, ни мерами устрашения – наказания. Успехи рождало теплое, душевное отношение его как к самому делу преподавания, так и к ученикам. Поэтому у него не было «неспособных». На его уроках все, без исключения, жадно вслушивались в каждое его слово. Урока его ждали. Уроки его были скорее радостью, отдыхом для

учащихся, чем тяжелой обязанностью и трудом. Это была живая беседа, увлекательная речь, интересный и захватывающий внимание рассказ. И эти живые беседы учителя-отца со своими детьми на всю жизнь глубоко запечатлевались в памяти учащихся.

Такой способ преподавания он объяснял необходимостью дать Отечеству прежде всего человека и христианина, отодвигая вопрос о науках на второй план. «Все науки имеют своим центром и исходным началом Бога и Его вечную премудрость, как души наши имеют своим первообразом Господа Бога, создавшего нас по образу и подобию Своему, – учил о. Иоанн, – и потому без Христа – истинного Света, просвещающего всякого человека, грядущего в мир, – суетно всякое просвещение».

Нередко бывали случаи, когда о. Иоанн, заступившись за какого-нибудь ленивого ученика, приговоренного к исключению, сам принимался за его исправление. Проходило несколько лет, и из ребенка, не подававшего, казалось, никаких надежд, вырабатывался хороший и полезный член общества. Особенное воспитательное значение о. Иоанн придавал чтению житий святых и всегда приносил на уроки отдельные жития, которые раздавал учащимся для чтения на дому.

Но этот славный подвиг плодотворного законоучительства о. Иоанн должен был оставить, ради еще более плодотворного и широкого подвига своего всероссийского служения людям.

Надо только представить себе, как проходил день у о. Иоанна, чтобы понять и прочувствовать всю тяжесть и величие этого беспрецедентного подвига. Возвращаясь домой обычно к полуночи, – после вседневных пастырских трудов в Петербурге, – о. Иоанн вставал ежедневно в три часа ночи и готовился к служению божественной литургии. Около четырех часов он отправлялся в собор к утрени. Здесь его встречали уже толпы паломников, жаждавших получить от него хотя бы благословение. Тут же было и множество нищих, которым о. Иоанн раздавал милостыню. За утреней о. Иоанн непременно сам читал канон, придавая этому чтению большое значение. Перед началом литургии была исповедь. Исповедь, из-за громадного количества желавших исповедоваться у о. Иоанна, была им введена, по необходимости, общая. Производила она – эта общая исповедь – на всех участников и очевидцев потрясающее впечатление: многие каялись вслух, громко выкрикивая, не стыдясь и не стесняясь, свои грехи. Андреевский собор, вмещавший до пяти тысяч человек, всегда бывал полон, а потому очень долго шло причащение, и литургия раньше двенадцати часов не оканчивалась.

По свидетельству очевидцев и сослуживших о. Иоанну, совершение им Божественной литургии не поддается описанию. Служба о. Иоанна представляла собой непрерывный горячий молитвенный порыв к Богу. Во время службы он был воистину посредником между Богом и людьми, ходатаем за их грехи, был живым звеном, соединявшим Церковь земную, за которую он предстательствовал, и Церковь Небесную, среди членов которой он витал в те минуты духом. За божественной литургией все возгласы и молитвы произносились им так, как будто своими просветленными очами он лицом к лицу видел пред собой Господа и с Ним разговаривал. Слезы умиления лились из его глаз, но он не замечал их. Видно было, что о. Иоанн во время божественной литургии переживал всю историю нашего спасения, чувствовал глубоко и сильно всю любовь Господа к людям и переживал Его крестные страдания.

Такое служение необычайно действовало на присутствующих. Не все шли к нему с твердой верой: некоторые с сомнением, другие с недоверием, а третьи из любопытства. Но здесь все перерождалось и чувствовали, как лед сомнения и неверия постепенно таял и заменялся теплотой веры. Причащающихся после общей исповеди бывало всегда так много, что на святом престоле стояло иногда несколько больших чаш, из которых несколько священников приобщали верующих одновременно. И такое причащение продолжалось нередко более двух часов.

Во время службы письма и телеграммы приносились о. Иоанну прямо в алтарь, и он тут же прочитывал их и горячо молился о тех, кого просили его помянуть.

После службы, сопровождаемый тысячами верующих, о Иоанн выходил из собора и отправлялся в Петербург по бесчисленным вызовам к больным, – зимой и летом, в любую погоду, на санях, на пароходе, поездом – и редко когда возвращался домой ранее полуночи. Надо полагать, что многие ночи он совсем не имел времени спать. Так жить и трудиться можно было, конечно, только при наличии сверхъестественной благодатной помощи Божией.

Но и сама слава о. Иоанна была ему величайшим подвигом и тяжким трудом: ведь всюду, где бы он ни показался, около него мгновенно вырастала толпа жаждавших хотя бы только прикоснуться к чудотворцу. Почитатели его бросались даже за быстро мчавшейся каретой, хватая ее за колеса с опасностью быть изувеченными.

По желанию верующих, о. Иоанну приходилось предпринимать поездки в разные города России. Эти поездки были настоящим триумфом смиренного Христова служителя. Стечение народа определялось десятками тысяч, и все бывали объаты чувствами сердечной веры и любви к дорогому батюшке, надеждой получить от него помощь в нуждах и благословение. Во время проезда о. Иоанна на пароходе по русским рекам, толпы народа бежали по берегу, многие с приближением парохода становились на колени. Тысячи народа проводили дни и ночи лагерем около того имения, где останавливался о. Иоанн, а во время его служения храм всегда был переполнен внутри и окружен снаружи. Так, когда о. Иоанн в июле 1890 года служил в Харькове, собор не мог вместить всех молящихся: не только собор, но и площадь около собора не вмещала народа, который наполнил даже все прилегающие улицы. В самом соборе певчие вынуждены были перейти в алтарь, а железные решетки, отделяющие солею, оказались всюду сломанными от тесноты. Когда же о. Иоанн совершал молебен на соборной площади, народу было более шести тысяч человек. Точно такие же сцены происходили в всех поволжских городах: в Самаре, Саратове, Казани, в Нижнем Новгороде.

А вот как описывает очевидец отъезд о. Иоанна из Вильнюса: «На вокзале находились представители всех ведомств и управлений: вся интеллигентная Вильна и люди всех вероисповеданий и положений. Что происходило здесь все это время до ухода поезда, трудно передать: поезд стоял буквально погруженный в море людей. Кому не оказалось места на платформе, те унизывали вагоны поезда, наполняя их площадки и ступени. Вагон же отца Иоанна оказался необходимым запереть. По требованию народа, усталый, но самоотверженный и смиренный пастырь много раз показывался в окно вагона, благословлял народ, утешал и благодарил всех. Тронутый сильной верой людей и глубокой их приверженностью к Богу, служитель Божий несколько раз закрывал окно и, сложив крестообразно руки, склонив голову, предавался глубокой слезной молитве за эти тысячи людей, за их доверие к Божию служителю и за их братскую христианскую любовь... Потом благословлял и снова благодарил всех... Когда поезд тронулся, тысячи почитателей отца Иоанна обнажили головы, слезно прощались и посылали вслед удалявшемуся пастырю Христову свои неудержимые теплые благожелания, просьбы и благодарности. Многие бежали за поездом, доколе представлялась возможность...»

Был о. Иоанн и замечательным проповедником, причем говорил он весьма просто и чаще всего без особой подготовки. Он не искал красивых слов и оригинальных выражений, но проповеди его отличались необыкновенной силой и глубиной мысли, а вместе с тем и исключительной богословской ученостью, при всей своей доступности для понимания даже простыми людьми. В каждом его слове чувствовалась какая-то особенная сила – как бы отражение силы его собственного духа.

Несмотря на необыкновенную занятость, о. Иоанн находил, однако, время вести дневник, записывая ежедневно свои мысли, приходившие ему в минуты «благодатного озарения души, которого удостаивался он от всепрощающего Духа Божия». Эти мысли составили целую замечательную книгу, изданную под заглавием: «Моя жизнь во Христе». Она представляет собой подлинное духовное сокровище и может быть поставлена наравне с вдохновенными писаниями древних великих отцов Церкви. Эта книга, вместе с другими творениями о.

Иоанна, свидетельствует о том, как жил наш великий праведник и как подобает жить каждому, кто хочет не только называться, но и в действительности быть христианином.

Предвидя духовными очами революционную катастрофу, к которой вели русский народ нарастающее неверие и свободомыслие, при попустительстве власти, – о. Иоанн явился грозным Божиим пророком, призывающим к покаянию и предрекающим близкую кару Божию за грехи и богоотступничество. Будучи сам образом кротости и смирения, примером любви к каждому человеку, независимо от национальности и вероисповедания, он с великим негодованием относился ко всем тем безбожным материалистическим течениям, которые подрывали веру русского народа и подкапывали многовековой государственной строй. «Научись, Россия, верить в правящего судьбами мира Бога Вседержителя, – зывал о. Иоанн к русскому народу, – и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству... Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант православной веры... Восстань же, русский человек!.. Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России... Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу, – и вам и России...» Он грозно пророчествовал: «Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению... Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония... Бедное Отечество, когда-то ты будешь благоденствовать?! Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов!»

К тяжелому подвигу служения людям, в последние годы жизни о. Иоанна присоединился мучительный личный недуг – болезнь, которую он кротко и терпеливо переносил, никому никогда не жалуясь. Решительно отверг он предписания знаменитых врачей, пользовавших его, – поддерживать свои силы скоромной пищей. Вот его слова: «Благодарю Господа моего за ниспосланные мне страдания для предпочищения моей грешной души. Оживляет – Святое Причастие». И он приобщался по-прежнему каждый день.

10 декабря 1908 года, собрав остаток своих сил, о. Иоанн в последний раз сам совершил Божественную литургию в Кронштадтском Андреевском соборе. А утром 20 декабря /2 января по новому стилю/ 1908 года великий праведник мирно отошел ко Господу, заранее предсказав день своей кончины.

В погребении о. Иоанна участвовали десятки тысяч людей. Необычайные это были похороны! На всем пространстве от Кронштадта до Ораниенбаума, и в Петербурге – от Балтийского вокзала до Иоанновского монастыря на набережной реки Карповки – стояли огромные толпы плачущего народа. Такого количества людей не было до того времени ни на одних похоронах – это был случай в России совершенно беспримерный. Похоронное шествие сопровождалось войсками со знаменами, военные оркестры играли «Коль славен», а тысячи верующих, растянувшиеся за серебряным катафалком на многие километры, единым хором пели погребальное «Святой Боже...» На всем пути через город по обеим сторонам дороги шеренгами стояли войска. Чин отпевания совершал С.-Петербургский митрополит Антоний, во главе сонма епископов и многочисленного духовенства. И хотя заупокойная служба сопровождалась общими рыданиями людей, чувствовавших себя осиротевшими, она напоминала собой скорее светлую пасхальную заутреню, – и чем дальше шла служба, тем это праздничное настроение у молящихся все росло и увеличивалось. Чувствовалось, что из гроба исходит особая благодатная сила и наполняет сердца присутствующих какой-то неземной радостью. Для всех было ошутимо ясно, что во гробе лежит Святой, Праведник, и дух его незримо пребывает в храме, объемля своей любовью и лаской всех, собравшихся отдать ему последний долг...

В последующие годы, вплоть до революционного переворота и начала гонений, в Иоанновском монастыре у гробницы святого Иоанна каждый день непрерывно служились пани-

хиды, на которых совершались многие чудеса исцелений. Даже когда в 1923 году монастырь был закрыт, а его помещения отданы под светские организации и коммунальные квартиры, паломничество к месту погребения о. Иоанна не прекращалось: верующие приходили к стене монастырского здания, где внизу, в подвальном этаже, находилась гробница о. Иоанна, и возле окошечка молились ему, высказывая наболевшие нужды и прошения.

С 1990 года, когда о. Иоанн Кронштадтский был причислен Русской Православной Церковью к лику святых, – у гробницы его, в нижнем храме-усыпальнице восстанавливаемого монастыря, новопрославленному святому стали ежедневно служить молебны. Вновь, как и прежде, непрерывный поток паломников со всех концов России и из-за рубежа стекается к Батюшке Иоанну Кронштадтскому, чтобы поклониться ему и испросить его молитвенной помощи в нуждах и бедах, – и как и прежде, совершаются здесь чудеса телесных и душевных исцелений и становятся услышанными искренние сердечные молитвы...

Исцеления болящих

Рассказ священника В. Шустина

Когда я был еще совсем юным, отец мой серьезно заболел. Профессор Военно-медицинской академии Симановский определил, что у него горловая чахотка. Все горло покрылось язвами, и голос у отца совершенно пропал. Я помню, на Рождество, по случаю болезни отца, не делали нам и елки. В доме царил как бы траур, все говорили шепотом, царило уныние; нас, детей, не пускали к отцу. Симановский заявил, что жить ему осталось дней десять, а если увезти с большими предосторожностями теперь же в Крым, то он, может быть, еще протянет месяца два.

В это время как раз вернулся в Кронштадт из одной своей поездки отец Иоанн. Послали ему телеграмму. Он приехал к нам, прошел к отцу в спальню, взглянул на него и сразу воскликнул:

– Что же вы мне не сообщили, что он так серьезно болен? Я бы привез Святые Дары и причастил бы его.

Мой отец умоляюще смотрел на батюшку и хрипел. Тогда батюшка углубился в себя... и, обращаясь к отцу, спрашивает:

– Веришь ли ты, что я силой Божией могу помочь тебе?

Отец сделал знак головой. Тогда отец Иоанн велел открыть ему рот и трижды крестообразно дунул. Потом, размахнувшись, ударил по маленькому столику, на котором стояли разные полоскания и прижигания. Столик опрокинулся, и все склянки разбились.

– Брось все это, – резко сказал отец Иоанн, – больше ничего не нужно. Приезжай завтра ко мне в Кронштадт, и я тебя приобщу Святых Тайн. Слышишь, я буду ждать, – и батюшка уехал.

Вечером приехал Симановский, а вместе с ним доктор Окунев, тоже специалист по горловым болезням. Им сказали об отце Иоанне и что завтра повезут моего отца в Кронштадт. Симановский сказал, что это безумие, что он умрет дорогой. (Нужно было из Ораниенбаума ехать на санях по морю, а была ветреная, морозная погода.) Но отец верил батюшке, и на следующий день закутали его хорошенько и повезли в Кронштадт...

Когда он вернулся домой, профессор Симановский был поражен: в горле все раны оказались затянуты, только голос отца был еще слаб. Симановский во всеуслышание заявил: «Это невиданно, это прямо чудо!» Так совершилось дивное исцеление моего отца по молитвам батюшки. Отец прожил после того еще двадцать пять лет.

Рассказ О.Н. Терещенко

Единственная восемнадцатилетняя дочь крупного московского сахарозаводчика заболела туберкулезом, и врачи приговорили ее к смерти. Консилиум врачей решил, что жить ей осталось максимум три дня. Скоротечная чахотка быстро и верно разрушала молодую жизнь. Тогда больная упростила родителей пригласить о. Иоанна Кронштадтского.

Он приехал, вошел в комнату, где на кушетке лежала умирающая. Как только больная увидела о. Иоанна, она быстро сползла к его ногам и закричала:

– Батюшка, я жить хочу, а доктора сказали, что я умру!

– И будешь жить, чего плачешь? Только просить исцеления нужно не у тех врачей, что приговорили тебя к смерти, а вот этого Врача, – указав на икону Спасителя, висевшую на стене, спокойно ответил ей о. Иоанн.

После этого он стал усердно и горячо молиться, так что пот проступал на его челе и волосы прилипали ко лбу. Закончив молитву, он обратился к родным со словами:

– Мне здесь больше нечего делать.

Мать, в полном отчаянии, бросилась к нему и закричала:

– Что, батюшка, она умрет?

– Да нет же, она теперь совершенно здорова! – ответил он.

После этого девушка стала быстро-быстро поправляться и скоро была совершенно здорова.

Воспоминания княгини З.Н. Юсуповой, Париж, 1934 г.

В 1884 году, когда мне было 23 года, я была второй год замужем и матерью любимого ребенка; передо мной открывалась самая счастливая жизнь. Около этого же времени я услышала впервые об о. Иоанне Кронштадтском, что он удивительный молитвенник, что молитва его творит исцеления.

Рассказы об этом произвели на меня большое впечатление, и я искала случая с ним встретиться. Мы думали пригласить его отслужить литургию в нашей домово́й церкви, но почему-то не успели этого выполнить, так как я тяжело заболела и три недели была между жизнью и смертью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.